

Религиоведение. 2023. № 2. С. 47–58.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 2. P. 47–58.

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_47

Горбатов А.В.¹, Дашковский П.К.²

¹ Кемеровский государственный университет

² Алтайский государственный университет

¹ 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 312

¹ gorb1965@yandex.ru; ² dashkovskiy@fpn.asu.ru

Изъятие церковных ценностей органами советской власти в Западной Сибири: итоги и последствия

Аннотация. В данной статье кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. в Западной Сибири рассмотрена через призму плана большевистских лидеров В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого по дезинтеграции Русской православной церкви как социального института. Опираясь на архивные материалы, сведения из опубликованных источников, труды историков, в последовательной взаимосвязи представлены следующие события: изъятие церковных ценностей и его этапы; сопротивление верующих конфискации культовых предметов; репрессивная политика большевиков и роль органов ГПУ. В ходе исследования установлено, что изъятие церковных ценностей в православных приходах Западной Сибири проходило в целом мирно, а эксцессы если и фиксировались, то не сопровождалось со стороны верующих, за редким исключением, грубым насилием. Сопротивление конфискации в своём самом радикальном проявлении, в большинстве случаев, выражалось в недопущении представителей комиссии в храм, в выкриках протестующих верующих, в которых проклинались богохульники-коммунисты. Несмотря на это, мероприятия по конфискации ценностей в ряде регионов завершались репрессиями и открытыми судебными процессами по делу, как было принято упоминать в прессе, «церковников». Как правило, прихожане и клирики обвинялись в контрреволюционной агитации под религиозным предлогом. Установлено, что главной целью судебных мероприятий в рамках изъятия церковных ценностей в регионах была нейтрализация активных иерархов и священнослужителей «тихоновского» направления и содействие распространению обновленческого движения в Русской православной церкви, более лояльного к советской власти. Кроме того, установлено, что конфискованное у Русской православной церкви по своей совокупной стоимости совершенно не соответствовало предполагаемым расчётам партийного руководства. Результаты кампании по изъятию для Русской православной церкви в целом и для Западной Сибири в частности были, очевидно, негативными: происходило осквернение храмов, экспроприация нанесла урон экономике приходов, пострадала сибирская культура – были безвозвратно утеряны и уничтожены объекты православного историко-культурного наследия, часть духовенства и верующих была подвергнута репрессиям.

Ключевые слова: Русская православная церковь, советская власть, изъятие церковных ценностей, обновленчество, репрессии, Западная Сибирь

Alexey V. Gorbatov¹, Petr K. Dashkovskiy²

¹ Kemerovo State University; ² Altai State University

¹ Krasnaya str., Kemerovo, 650000, Russia; ² of. 312, 66 Dimitrova str., Barnaul, 656049, Russia

¹ gorb1965@yandex.ru; ² dashkovskiy@fpn.asu.ru

Seizure of Church Treasures by the Soviet Authorities in Western Siberia: Results and Consequences

Abstract. The article examines the campaign to confiscate church valuables in 1922 in Western Siberia through the prism of the plan of the Bolshevik leaders V.I. Lenin and L.D. Trotsky to disintegrate the Russian Orthodox Church as a social institution. Based on archival materials, information from published sources, the works of historians, the following events are presented in a consistent relationship: the seizure of church property and its stages; the resistance of believers to the confiscation of cult objects; the repressive policy of the Bolsheviks and the role of the GPU. The study found that the seizure of church valuables in the Orthodox

А.В. Горбатов

П.К. Дашковский

parishes of Western Siberia was generally peaceful, and excesses, if recorded, were not accompanied by believers, with rare exceptions, with gross violence. Resistance to confiscations in its most radical manifestation, in most cases, was expressed in the exclusion of representatives of the commission from the temple, in the cries of protesting believers, in which the communist blasphemers were cursed. Despite this, measures to confiscate valuables in a number of regions ended with repressions and open trials in the case of, as it was customary to mention in the press, “clergymen”. As a rule, parishioners and clerics were accused of counter-revolutionary agitation under a religious pretext. It has been established that the main goal of the judicial measures within the framework of the seizure of church valuables in the regions was to neutralize the active hierarchs and clergy of the “Tikhon” wing and to promote the spread of the renovation movement in the Russian Orthodox Church, more loyal to the Soviet authorities. In addition, it was established that the total value of what was confiscated from the Russian Orthodox Church did not at all correspond to the alleged calculations of the party leadership. The results of the seizure campaign for the Russian Orthodox Church in general and for Western Siberia in particular were obviously negative: churches were desecrated, expropriation damaged the economy of parishes, Siberian culture suffered – objects of the Orthodox historical and cultural heritage, as well as part of the clergy were irretrievably lost and destroyed, and believers were subjected to repression.

Key words: Russian Orthodox Church, Soviet power, seizure of church property, renovationism, repressions, Western Siberia

Введение

В 2022 г. исполнилось 100 лет событиям, связанным с изъятием церковных ценностей. Это было одно из первых крупномасштабных жёстких вмешательств советского государства во внутрицерковную жизнь. Задача настоящей работы состоит в рассмотрении и обобщении сложных процессов взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви в Западной Сибири в 1922 г., включающих изъятие ценностей, репрессивную политику, появление обновленцев, в контексте плана большевистских лидеров. Трудности исследования этого исторического периода, длящегося практически только один год, заключаются в узости источниковой базы, информативная часть которой представлена преимущественно только с одной, большевистской стороны. Следует отметить и не афишируемую сторону операции по конфискации ценностей: малоисследованную реальную деятельность структур ГПУ и некоторых партийных работников, которая отражена в источниках лишь фрагментарно.

Исследование не было бы полным, если бы не кропотливый и квалифицированный труд сибирских светских и церковных историков в направлении указанной проблемы. Репрессивной политике РКП(б) в отношении православных организаций Томской губернии посвящены труды В.Н. Гузарова [Гузаров, 2019] и иерея М.В. Фаста [Фаст, 2004]. Историк Н.М. Дмитриенко одной из первых изучила ход и последствия резонансного судебного процесса «томских церковников», последовавший после кампании изъятия [Дмитриенко, 1993]. Иереи И.Г. Астапенко [Астапенко, 2018] и В.А. Соловецкий [Соловецкий, 2019] исследовали сложные вопросы церковно-государственных отношений в Омской губернии, протоиерей В. Бочкарёв и Е.А. Шабунина [Бочкарёв, Шабунина, 2018], иеромонах Симон (В.Э. Истюков) [Истюков, 2019] – в Ново-Николаевской. Особенности прохождения кампании по изъятию ценностей в Тюменской губернии рассматривали З.Ш. Мавлютова [Мавлютова, 2007] и В.В. Борисова [Борисова, 2007], которая отдельно выделяет особую роль ГПУ в разработке и осуществлении вероисповедной политики в этот период. Монографии, статьи и диссертации указанных исследователей, а также некоторые архивные материалы, позволили аккумулировать и систематизировать разноплановую информацию для попытки реконструкции общей картины и процессов, происходящих в Западной Сибири.

Начало кампании, ознаменовавшей одну из драматичных страниц истории Церкви положил декрет ВЦИК (23.02.1922). Официальным поводом стала острая нехватка продовольствия, охватившая 34 губернии России. Помимо засухи, причинами голода стали серьёзная дезорганизация сельского хозяйства, вызванная последствиями братоубийственной Гражданской войны, а также осуществляемая большевиками продразвёрстка – принудительная конфискация хлеба и других продуктов у селян. Сказались и исчезновение помещичьих и крупных крестьянских хозяйств. В Западной Сибири ещё, по сути, продолжалась гражданская война, пода-

влялись последние очаги крестьянского антибольшевистского восстания, крупнейшего в РСФСР по масштабу охваченной территории и количеству участников. Лидеры большевиков, несмотря на то что православные священнослужители и паства без принуждения осуществляли сбор средств для бедствующих, решили приступить к принудительной конфискации сокровищ Русской православной церкви.

На народное бедствие оперативно отреагировал патриарх Тихон. Осознавая масштабы голода, он согласился передать на нужды голодающих имущество церкви, не употреблявшееся в богослужении, но выступил против экспроприации «священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство» [Акты, 1994, 188–190].

В.И. Ленин и изъятие ценностей

Прежде чем рассматривать ход описываемой кампании в Западной Сибири, стоит отметить особое отношение главы советского государства В.И. Ленина к религиозному вопросу в это время. Особую значимость для рассмотрения указанной проблемы являются два письменных источника (один публичный, другой секретный), созданные как раз во время осуществления мероприятий по конфискации ценностей.

В марте 1922 г. была опубликована статья «О значении воинствующего материализма», где вождём была определена перспектива развития философии марксизма в религиозном вопросе. В ней присутствовал жёсткий императив – следует «распространять в народе боевую атеистическую литературу и при этом неуклонно разоблачать и преследовать всех современных “дипломированных лакеев поповщины”» [Ленин, 25]. Таким образом, несмотря на «воинственную» риторику, которая вообще была свойственна Ленину, в статье говорилось исключительно о пропагандистских методах борьбы с религией.

Однако, опять же, в марте, вождём было передано конфиденциальное письмо членам политбюро ЦК РКП(б). В этом документе он, в связи с первым активным сопротивлением верующих конфискации церковных ценностей в г. Шуя, инициирует начало комплекса репрессивных мер против священнослужителей. В этом отношении показательно письмо В.И. Ленина: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [Письмо, 1990, 193].

Вряд ли можно квалифицировать эти два противоречивых на первый взгляд текста как некий внутренний конфликт Ленина-практика и Ленина-теоретика. В статье говорилось о сложности и необходимости выведения религиозного сознания из невежественного народа с помощью атеистической пропаганды. А носителей мракобесия, следуя логике уже секретного письма, следует уничтожать, раз представился такой «удобный» случай. Лидер большевиков отчётливо осознавал значение своего репрессивного плана и предполагал потенциальные неприятные последствия при его публичном обнародовании. Как известно, начало письма сопровождалось словами «Строго секретно. Просьба ни в каком случае копий не снимать», а после основного текста В.И. Лениным была также добавлена приписка: «прошу... разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас по прочтении...» [Письмо, 1990, 193].

Официально публично выступать по щекотливому вопросу конфискации, по плану Ленина, должен был М.И. Калинин. В реальности руководство исполнялось Л.Д. Троцким и специально для этого созданной комиссией, которая функционировала в условиях строгой секретности. Действительно, с тактической точки зрения, в глазах общественности организатор октябрьского переворота 1917 года и еврей по национальности Л.Д. Троцкий выступал бы в роли гонителя Русской православной церкви – что было бы совсем не уместно. Инициатор кампании В. Ленин строго указал, чтобы «никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой товарищ Троцкий» [Письмо, 1990, 193]. Вожди категорически не желали афишировать своё участие в этом неприглядном, с точки зрения общечеловеческих гуманистических норм, мероприятии.

Значимым было и стремление В.И. Ленина воспользоваться «бесценным» имуществом церкви в партийно-государственных целях. В письме он достаточно хладнокровно и цинично говорил о благоприятности сложившейся ситуации, которая позволяла совершить кампанию по экспроприации, позже это сделать было бы затруднительно, так как отчаянный голод мог обеспечить сочувствие крестьянской массы при её проведении. Троцкий вторит Ленину в секретной записке Наркому внешней торговли Л.Б. Красину в эти же дни (23 марта), говоря о необходимости скорейшей продажи ценностей, чтобы получить в 1922–1923 гг. хотя бы 50 миллионов, так как «наступление пролетарской революции в Европе... совершенно застопорит рынок ценностей...», нужно спешить до последней степени» [Архивы, 1998, 94].

В этой связи выглядят странными и неуместными рассуждения современных апологетов В.И. Ленина, полагающих, что рассматриваемое письмо «наполнено напряжением всех сил для выполнения главной на тот момент задачи – спасения человеческих жизней. Да, ценой жертв, но, очевидно, во много раз меньших, нежели те, что прогнозировались или уже стали фактом» [Ивашов, Хмуркин, 2020, 44]. Как мы упоминали, о приобретении хлеба страдающим от голода за счёт «баснословных сокровищ» церкви в этом письме нет и слова. Л.Г. Ивашов и Г.Г. Хмуркин в своих попытках представить вождя большевиков великим гуманистом нередко противоречат себе. «Решительный тон письма» «Знатока человеческих душ и человека действия», по оценке авторов, «полностью соответствует взглядам и предложениям Троцкого...», в тот период, именно его глазами Владимир Ильич «видел» всю ситуацию» [Там же, 44]. Обвиняя своих оппонентов, занимающихся, якобы, околисторической публицистикой в предвзятости, авторы статьи сами теряют логику в своих умозаключениях. Мотив этой интенции понятен, он отражён в результатах проведенного исследования, которые они изложили в аннотации статьи: «Показана несостоятельность точки зрения о массовом уничтожении духовенства в первые послереволюционные годы, приведены иллюстрации вполне *доброжелательного отношения Ленина к духовенству* (курсив наш) и положительного характера ленинских преобразований, коснувшихся религиозной жизни народа» [Там же, 35].

Исследователи ещё в 1990-х справедливо констатировали, что это письмо, как свидетельство конкретности безжалостных намерений В.И. Ленина, в дополнительных комментариях не нуждается [Кривова, 1998, 141]. В письме практически не говорилось о голоде, о сумме необходимой помощи, о способах доставки её голодающим. Единственная задача – забрать богатства церкви, дискредитировать её, начать репрессии. Всё это должно было коренным образом ослабить и дезорганизовать институт церкви. Собственно, с этой точки зрения мы и рассмотрим проведение кампании на территории Западной Сибири.

Изъятие церковных ценностей на территории Западной Сибири

Все последующие действия региональных властей осуществлялись в соответствии с алгоритмом вождя революции. В кампании изъятия церковных ценностей 1922 г. в Западной Сибири можно выделить следующие (с определённой долей условности во временном отношении) этапы.

1. Подготовительный (февраль – начало апреля)

В марте Сибревком отправил в губернии директивное распоряжение, в котором предложил начать изъятие «драгоценностей религиозного культа» с дальнейшей передачей в финотделы с зачислением в фонд ЦК Помгол [Из истории, 2000, 83]. В это время формируются комиссии по учёту церковного имущества, в задачи которых входили: аккумуляция данных о количестве и локализации всех культовых зданий; поиск и сбор описей церковного имущества.

В губернских и уездных городах Сибири в конце марта были учреждены комиссии по изъятию ценностей, причём по данным В.Н. Гузарова, в Томской губернии (и, по всей видимости, во всех других), помимо официальной – советской – создавалась вторая – неофициальная, состоящая из партработников и сотрудников ГПУ. Официально губернский комитет РКП(б) оставался как бы непричастным к грязной работе по ограблению храмов [Гузаров, 2019, 42], что соответствует указанным выше секретным инструкциям вождя революции – не афишировать реальных исполнителей. Подобная секретная комиссия была сформирована и в Новоникола-

евской губернии. В неё вошли: секретарь губернского комитета ВКП (б), начальник политуправления, командир 61-й бригады и начальник губернского отдела ГПУ [Бочкарев, Шабунин, 2008, 21].

Информация сибирских исследователей о скрытом влиянии органов безопасности есть основания доверять. Из архивов ФСБ известно, что все губотделы ГПУ, не принимая непосредственного участия в деле изъятия, должны были оказывать всемерную помощь комиссиям. В телеграммах И.С. Уншлихта, заместителя председателя ВЧК-ГПУ, чекистам на местах предписывалось организовывать митинги, «выставляя организаторами церковников», энергично расследовать факты хищения и, при необходимости, незамедлительно арестовывать реакционное духовенство – и вообще вести агитационную кампанию, в том числе, в печати, а самим работникам «для большей продуктивности» рекомендовалось входить в состав комиссий [Архивы, 1998, 467–469].

В задачи управления входило, кроме всего прочего, отслеживание через агентурную сеть настроений населения, касающихся проводимой операции по конфискации имущества. Информаторы, используя конспиративные методы, внедрялись в воинские подразделения, православные приходы, на промышленные предприятия и в другие учреждения для ведения скрытого наблюдения. Результатом данной деятельности были еженедельные отчёты, где руководству предлагалась разнообразная информация о конкретных персоналиях, распространяющихся слухах и высказываниях, предлагалась развёрнутая характеристика активистов, которые выступали как «за», так и «против» проводимой кампании [Борисова, 2009, 143].

Разворачивается активное информационное давление в прессе в парадигме «воинствующего атеизма». Будущий командующий всеми безбожниками Е. Ярославский (в 1920–1922 гг. – член Сиббюро ЦК РКП(б)) напрямую обвинял реакционное («тихоновское») духовенство в том, «что никто не подумал помочь голодающим» [Ярославский, 1922, 141]. В газетах активно тиражировалась информация о невероятных сокровищах, скрытых в монастырях и соборах. Параллельно происходило систематическое нагнетание обстановки путём описания страданий людей и других ужасов голода. Так, населению внушалась мысль, что все церковные богатства, обмененные на хлеб, позволят питаться в течение двух лет. «В момент, когда крестьяне Поволжья съедают трупы собственных детей, преступно, именно с точки зрения верующих, беречь то, чем можно утолить голод и не помогать голодным» [Советская Сибирь, 1922, 12 февраля].

2. Активная конфискация ценностей (начало апреля – июнь)

Изъятия, как правило, проходили в два этапа. Сначала они, как предписывалось, проходили в административных центрах губернии, а затем в уездных и заштатных городах и в сельской местности после проведения посевной.

Кампания широко пропагандировалась, выпускались листовки с обращением как гражданам, так и священнослужителям. Проводились также и мероприятия, более напоминающие милитаристские акции устрашения в пропагандистских целях. Так, на следующий день после того, как в томской областной ежедневной газете был уже опубликован бюллетень по изъятию ценностей церковей и синагог Томска [Красное знамя, 1922, 10 апреля], было обнародовано следующее сообщение: 9 апреля в Томске «состоялась грандиозная демонстрация войск гарнизона и рабочих организаций... Перед открытием митинга войска стройными рядами прошли по городу», была принята резолюция, в которой были и следующие слова «мы клянёмся, что вооружённая рука рабочих и красноармейцев поддержит это требование (об изъятии) до конца» [Красное знамя, 1922, 11 апреля]. Различные мероприятия, реализуемые в рамках комплексной пропагандистской кампании, очевидно, призваны были способствовать как сплочению населения вокруг идеи необходимости изъятия ценностей, так и формированию негативного образа в общественном сознании «церковников», не желающих делиться богатствами.

На темпы и объёмы конфискации оказали влияние погромы и грабежи церковей красными партизанами-анархистами в 1919 г. [Горбатов, Мальцев, 2021] – во время пика гражданской войны в Западной Сибири. Так, после набегов партизан Рогова и Новоселова в 1919 г. у многих приходов Щегловского уезда, ценностей,

в результате разбоя, не осталось, из 27 церквей всего было конфисковано серебра немногим больше пуда [ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 24]. Председатель уездной комиссии по изъятию Колесников объяснял эти трудности экспроприации тем, что значительная часть храмов во время занятия уезда в 1919 году отрядами Рогова «была пожжена и имущество расхищено» [ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 19–19об.]. Коммунист Максимов из Кузнецкого уезда на пленуме губернского исполкома Совета в мае 1922 г. констатировал схожую ситуацию: «Об изъятии церковных ценностей говорить не приходится, так как после партизанских отрядов в уезде не осталось не только ценностей, но и церквей» [Гузаров, 2019, 46–47].

В Алтайской губернии, в уездах, где крайне активным было партизанское движение, также были небогатые приходы, не имеющие церковных ценностей [ГА-АК. Ф. 2. Оп. 3. Д.37. Л. 4]. Вероятно, глядя на разруху после партизанских набегов и реакцию православных на действия властей, упомянутый Колесников в своём отчёте приходил к такому неутешительному выводу: «Производя изъятие можно принести не столько материальной пользы республике, сколько политического убытка» [ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 19].

В протоколах комиссии по изъятию фиксируются факты, когда священнослужители взамен подлежащих конфискации предметов культового назначения жертвовали свои личные серебряные вещи: крест, ложку и др. [ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 54]. Экспроприровались предметы, необходимые для богослужения: дарохранительницы, потиры, кувшины, лампады, кадила, наперсные кресты, что не могло не отразиться пагубно на духовной жизни и так небогатых приходов.

3. Приём ценностей в финотдел и транспортировка в Москву (июнь – декабрь)

Сиббюро ЦК РКП торопило с завершением кампании на местах, посылая лаконичные и строгие шифротелеграммы: «немедленно шлите материалы и отчёты (по) изъятию... [ГАНУ. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 200. Л. 116]». Согласно указанию ВЦИК, операция по конфискации в европейской части должна была финишировать к 1 мая, а в Сибири – ко второй половине этого месяца. Однако, несмотря на «минование этого срока, изъятие сопровождалось с недопустимой медлительностью». В итоге сроки окончания конфискации в Сибири были сдвинуты на 1 июня» [ГАНУ. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 200. Л. 112, 113, 119]. Вместе с тем известно, что в ряде уездов и губерний кампания длилась вплоть до августа – и только после этого стало возможным подводить её окончательные итоги.

Так, у религиозных объединений Алтая было конфисковано серебра в изделиях – более 46 пудов, золота – более фунта. Примечательно, что в списке конфискованного, помимо драгоценных камней, золотых, серебряных и медных монет, крестов и серебряного евангелия, находились и отобранные тридцать пудов хлеба [ГААК. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 37. 7, 7об.]. В «богатой» Тюменской губернии: более 263 пудов серебра, золота – более 18 фунтов, ценных камней – более 50-ти золотников [Борисова, 2009, 145].

В Ново-Николаевской губернии изъято более 18 пудов серебра, 12 серебряных риз [ГАНУ. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 175. Л. 18]. По Омской губернии было собрано золота в изделиях 36 золотников 48 долей (155 грамм), в монетах 165 руб., серебра в изделиях 71 пуд [Суховецкий, 2019, 37]. В Томской губернии было конфисковано около килограмма золота (2,2 фунта) и 987 килограмм серебра (60 пудов) [Гузаров, 2019, 52].

В итоге, по нашим предварительным подсчётам, в Западной Сибири было конфисковано более 458-ми пудов серебра и около 22 фунтов золота, что весьма мало по сравнению с европейскими православными областями. Своё разочарование по этому поводу не скрывало и сибирское партруководство. Кампания по изъятию не принесла значимых результатов в Сибири и не имела «того ошутимого значения, какое оно приобрело в Европейской России» [ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 157. Л. 30]. Сибирское бюро ЦК РКП объясняло это «...небольшим количеством церквей и ничтожным количеством ценностей в них, так и издавна слабым развитием веры у сибирского крестьянина» [Там же]. По данным протоиерея В. Цыпина, ведущего историографа РПЦ, всего в общей сложности было конфисковано 33 пуда золота, 24000 пудов серебра и несколько тысяч драгоценных камней [Цыпин, 1997, 76].

О настроениях верующих в период насильственной конфискации «сокровищ» церкви можно судить из информационных сводок Томского губернского отдела ГПУ, из которых следовало, что они оценивали действия властей как натуральный грабёж, кощунство и святотатство. Ходили слухи, что реальная цель конфискации заключалась в персональном обогащении коммунистов или «уплате долгов Польше, а не в помощи бедствующим. Среди населения распространялись убеждения, основывающиеся на агентурных сведениях, что, покончив с конфискацией церковных ценностей, коммунисты примутся отбирать домашнюю посуду. Напуганные действиями властей верующие прятали в домах иконы и церковную утварь [Крепичина, 2006, 77]. Распространялись слухи, что, отобрав её, коммунисты возьмутся за медную посуду, в результате чего верующие, соответственно, начинали прятать по домам всё ценное [ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 282, 341, 360].

Действительно, помимо ценных предметов из драгметаллов конфисковалась в больших масштабах церковная утварь. Значительная часть её также не была направлена *исключительно на нужды помощи голодающим* (курсив наш), как того требовало февральское постановление ВЦИК 1922 г. «О порядке конфискации, учёта, хранения и расходования церковного имущества». Показателен акт Томской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей от 21 декабря 1922 г., где её члены были вынуждены признать, что вся конфискованная церковная утварь, находящаяся на складах, по своему характеру и полезности не может быть использована для промышленно-утилизационных целей, за исключением тканей, колоколов и части оконных рам. В итоге оставшееся церковное имущество реализовывалось в свободной продаже по бросовым ценам или было сдано на утилизационные склады [Из истории, 2000, 125]. При этом в инструкции «Как должно проводиться изъятие церковных драгоценностей» присутствовало примечание: «Никакой *реализации* (курсив наш) ценностей на местах не производится» [Красное знамя, 1922, 4 апреля]. В итоге можно констатировать, что конфискацией утвари, необходимой для совершения культовых действий, верующим нанесен моральную травму, а затем эта утварь ещё и была выброшена как хлам за ненадобностью, что ещё более усугубило оскорбление чувств православных.

Стоит добавить и то, что конфискованное у «церковников» не могло помочь голодающим непосредственно в Сибири; всё, что было изъято в соответствии с указаниями центрального руководства, возбранялось задействовать для собственных нужд. Изъятые были необходимо через местные финотделы предоставить в Гохран столицы на особый учёт ЦК Последгола¹. Неурожай и не уступавший по своим размерам развёрстке продналог в начале 1922 вызвали голод в сельских районах (особенно в местах Западносибирского восстания). К примеру, из сводок Тюменского ГПУ от 26 марта 1922 г.: «В урожайных Тюменском, Туринском уездах среди бедняков и части середняков, питающихся суррогатами, участились случаи голодной смерти» [Артюхов, 2018]. Ещё в 1921 г, вопреки решениям X съезда РКП (б) о НЭПе, В.И. Ленин категорически потребовал вывезти весь имевшийся на ссыпных пунктах Ишимского и Ялуторовского уездов хлеб и семена в центральные районы страны. Население этих уездов оказалось обречено на голод, сопровождавшийся повышенной смертностью [День, <https://www.prlib.ru/history/1307005>].

Репрессии и обновленчество

Не везде организация по конфискации проходила бесконфликтно. Порой сама процедура конфискации со стороны представителей властей сопровождалась грубостью и бестактностью, что вызывало возмущение и ответную реакцию у верующих. Попытки сопротивления изъятию со стороны верующих, бесспорно, были, по всем губерниям Западной Сибири примеров истории приводят массу. Но всё-таки, как фиксировалось властями [например, ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп.1. Д. 438. Л. 150] и признаётся исследователями [Астапенко, 2018, 142; Истоков, 2019, 55–56 и др.], изъятие церковных святынь проходило в целом мирно, а эксцессы если и фиксировались, то не сопровождались со стороны верующих, за редким исключением, грубым насилием. Сопротивление конфискациям в своём самом радикальном проявлении, в большинстве случаев, выражалось в недопущении представителей комиссии в храм, в выкриках протестующих верующих, в которых проклинались богохульники-коммунисты.

Несмотря на это, мероприятия по конфискации ценностей в ряде регионов завершались репрессиями и открытыми судебными процессами по делу, как было принято упоминать в прессе, «церковников». Как правило, прихожане и клирики обвинялись в «контрреволюционной агитации под религиозным предлогом» – проведении соответствующих проповедей и сокрытии ценностей. Подобные судебные процессы в 1922 г. прошли по всей стране.

Примером может служить публичный процесс «барнаульских церковников», проходящий в доме пожарников в декабре 1922 г. Показания обвиняемых и сам ход дела подробным образом освещались в местной прессе. Согласно данным газеты «Красный Алтай» под рубрикой «Укрыватели церковных ценностей на скамье подсудимых», в столице губернии в 1918–1922 годах действовал контрреволюционный Объединённый Барнаульский приходской совет [Красный Алтай, 1922, 27 декабря].

Наибольший резонанс среди населения Западной Сибири получило надуманное дело по т.н. контрреволюционной организации духовенства «Православная церковь». Приговором Томского губернского ревтрибунала в июле 1922 г. были осуждены 33 человека, причём 9 человек первоначально приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Среди них епископ Виктор (Богоявленский), настоятель Богоявленской церкви протоиерей Константин Лебедев, настоятель Преображенского храма протоиерей Александр Никольский [Дмитриенко, 1993, 72]. Епископ Виктор и сподвижники были обвинены в противодействии органам власти при изъятии церковных ценностей, а также в том, что они, объединившись в контрреволюционную организацию, имевшую цель свержения власти Советов, в нарушение Декрета об отделении церкви от государства систематически проповедовали закон божий [ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96. Л. 5].

Обобщая процессы, происходящие в регионе, можно прийти к выводу, что главной целью судебных мероприятий в рамках изъятия, была нейтрализация активных иерархов и священнослужителей «тихоновского» направления. Таким образом, как было отмечено, был «отстранён» епископ Виктор (Богоявленский) управляющий огромной Томской епархией, территория которой, напомним, в этот период составляла более 800 000 км² и включала в себя территории современных Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, Алтайского края и Республики Алтай. По сведениям авторов данной статьи, всем архиереям, которые были обвинены в контрреволюционной деятельности и сопротивлении изъятиям, через некоторое время были смягчены меры наказания, а затем они были досрочно освобождены. Некоторые из них приступили к пастырскому служению в 1924–1925 гг. Такой «гуманизм по-большевистски» (слова Л. Троцкого), считаем, имманентно связан с депортацией интеллектуалов, носителей чуждой и в том числе, враждебной религиозной идеологии в 1922 г. («философский пароход»), которая явилась логическим продолжением кампании по разграблению Русской православной церкви.

Параллельно с началом кампании по изъятию партийными и госструктурами активно инициировался раскол Русской православной церкви с целью её разложения, внедрения и распространения обновленчества из центра по регионам. Примечательны в этом смысле указания секретаря ЦК РКП В.М. Молотова в секретной шифротелеграмме в Ново-Николаевск Сибирскому бюро ЦК РКП ещё в начале кампании (марте 1922). «Газетная кампания по поводу изъятия ведётся неправильно. Она направлена против духовенства вообще. Печатаются весёлые сатирические стишки против попов вообще. Эта сатира бьёт по низшему духовенству и сплачивает духовенство в одно целое. Политическая задача данного момента совсем не та, прямо противоположная. Нужно расколоть попов или вернее углубить заострить уже существующий раскол. В Москве и провинции есть много попов, которые согласны на изъятие ценностей, но боятся верхов» [ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 106. Л. 147]. Следующий фрагмент текста расшифровать дословно тов. криптографу Суховой не удалось, но в качестве противовеса «низов» присутствует словосочетание «князя церкви», выражение, которое войдёт в обиход словаря пропагандистов, обличающих иерархов – тихоновцев, «черносотенцев» [см.: Красное знамя, 1922, 15 июля].

Известна секретная записка вдохновителя кампании Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК, которая, считаем, конкретизирует текст шифротелеграммы Молотова.

Когда Л.Д. Троцкий говорит о возможности допуска «советской» части духовенства в органы Помгола, он поясняет: «*Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей* (курсив наш). Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять очень острый характер...» [Архивы, 1998, 51]. Изъятие, таким образом, должно было послужить катализатором раскола.

Большевики, соответственно, и не скрывали свою публичную поддержку «Живой церкви». Так, 2 июня 1922 г. после арестов представителей «Томского контрреволюционного центра» состоялось примечательное Собрание из представителей духовенства и мирян от приходских советов в Никольском храме, где основным спикером выступил губернский прокурор И.Г. Макаренко. «Под огромными сводами Никольского храма, при напряжённейшем внимании собрания, слова тов. Макаренко точно расплавленный свинец насквозь прожигали мозги слушателей. Очисти- те церковь от монархической идеологии и капиталистической скверны, изгоните из своих рядов агентов капитала, станьте на прямой и честный путь аполитичности... Собрание избрало временное церковное управление Томской епархии (епархиальный совет). Имена выбранных почти всем известны. Это одни из прогрессивнейших в Томской епархии священников», – сообщала томская областная ежедневная газета [Красное знамя, 1922, 6 июня].

В соседней колонке на той же странице газеты автор под псевдонимом «гражданин» со своей стороны предложил обратиться с воззванием ко всему духовенству и верующим, в коем подтвердить свою платформу... и произвести немедленные перевыборы приходских советов, дать указания, чтобы избирались лица, стоящие на (соответствующей) платформе [Там же].

В октябре 1922 г. в Томске состоялся съезд «Живой церкви», на котором было избрано Сибирское церковное управление во главе с «прогрессивным» священником Петром Блиновым, первым женатым архиереем. Таким образом, пропагандистское давление, а затем репрессии и «посадки» должны были, прежде всего, расчистить место и поставить во главе церкви на местах марионеточное обновленческое руководство.

Заключение

Приведённые факты, обнаруженные документы, исследования сибирских историков дают основание полагать, что не следует рассматривать кампанию изъятия, репрессивную политику против духовенства и возникновение обновленчества как некие параллельные и независимые исторические процессы. Говоря о событиях 1922 года, можно сказать, что, согласно плану лидеров большевиков, это была хорошо спланированная и скоординированная операция, направленная на разложение и ослабление церкви как идеологического противника и, пока ещё, нейтрализацию тихоновских сторонников как репрессивными мерами, так и активным интродуцированием марионеточных обновленцев в руководство как епархиями, так и благочиниями, и приходами. В реальности поведение «советской» (по выражению Троцкого) части духовенства контролировалось и управлялось органами ВКП(б) и ГПУ. К концу 1922 г., таким образом, обновленцы смогли занять примерно до двух третей, действовавших в то время церквей в Западной Сибири.

Конфискованное у церкви по своей совокупной стоимости совершенно не соответствовало предполагаемым расчётам партийного руководства. Результаты кампании по изъятию для Русской православной церкви в целом и для Западной Сибири в частности были, очевидно, негативными: осквернялись храмы, экспроприация нанесла урон экономике приходов, пострадала сибирская культура – были безвозвратно утеряны и уничтожены объекты православного историко-культурного наследия, часть духовенства и верующих была подвергнута репрессиям. Печальным итогом стало, несомненно, унижение достоинства верующих. Для многих православных сибиряков происходящие события, по сути, даже хронологически являлись продолжением гражданской войны, где волна унижений и преследований, включая репрессии, была уже легитимирована со стороны советской власти.

Благодарность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по теме: «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23-18-00117).

Acknowledgements

The publication was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation on the topic: “The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia” (project No. 23-18-00117).

Список сокращений

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГПУ – Государственное политическое управление
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области
ЦК Помгол – Центральная комиссия помощи голодающим
ЦК РКП(б) – Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

Библиографический список

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. – М., Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1994. – 1063 с.
2. Артюхов, С. Как народная власть с народом боролась / С. Артюхов // Тюменские известия. – 15 января 2018. – № 3 (6836).
3. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 2. – М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 600 с.
4. Астапенко, И.Г. Политика советского государства по отношению к религиозным организациям в Омской губернии в 1921–1925 гг. (на примере изъятия церковных ценностей) / И.Г. Астапенко // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. – 2018. – № 2(5). – С. 132–146.
5. Борисова, В.В. Изъятие церковных ценностей из православных храмов Тюменской губернии в 1922 году / В.В. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия История. – 2009. – № 28 (166). – Вып. 34. – С. 142–147.
6. Бочкарёв, В. Краткий очерк истории Новосибирской епархии / В. Бочкарёв, Е.А. Шабунин // Сибирь Православная. – 2008. – № 1 (7). – С. 2–62.
7. Горбатов, А.В. Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году / А.В. Горбатов, М.А. Мальцев // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 207–223.
8. День в истории. Президентская библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rplib.ru/history/1307005> (дата обращения 03.08.2022).
9. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 37.
10. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 157; Оп. 2. Д. 106; Ф. П-10. Оп. 1. Д. 200.
11. Государственный архив Томской области Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422; Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96.
12. Гузаров, В.Н. Репрессивная политика РКП(б) в отношении церковных организаций Томской губернии в 1920–1925 гг. / В.Н. Газаров. – Томск, 2019. – 85 с.
13. Дмитриенко, Н.М. «Дело томских церковников» 1922 г. / Н.М. Дмитриенко // Социально политическое развитие Сибири (XIX–XX вв.). – Томск. 1993. – С. 71–81.
14. Ивашов, Л.Г. К вопросу об отношении В.И. Ленина к православному духовенству после октября 1917 г. / Л.Г. Иванов, Г.Г. Хмуркин // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 2. – С. 35–50.
15. Из истории земли Томской. 1921–1924. Народ и власть // Сборник документов и материалов. – Томск: Водолей, 2000. – 442 с.

16. Истюков, В.Э. Новосибирская епархия в 1920-е – 1960-е гг.: проблемы внутреннего устройства и взаимоотношений с атеистическим государством: дис. ... канд. богословия / В.Э. Истюков; ТГУ. – М., 2019. – 260 с.
17. Красное знамя (томская областная ежедневная газета). – 1922.
18. Красный Алтай (орган Губисполкома и Губкома РПК). – 1922.
19. Крепицина, Е.В. Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Крепицина; КемГУ. – Кемерово, 2006. – 197 с.
20. Кривова, Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: (Политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и церкви и её осуществление органами ГПУ-ОГПУ): дис. ... док. ист. наук / Н.А. Кривова. – М., 1998. – 419 с.
21. Ленин, В.И. О значении воинствующего материализма // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. / В.И. Ленин. – М., 1964. – Т. 45. – С. 23–33.
22. Мавлютова, З.Ш. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии в 1922 г. / З.Ш. Мавлютова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 172–176.
23. Письмо В.И. Ленина В.М. Молотову для членов политбюро ЦК РКП (б) о срочных мерах по беспощадному подавлению сопротивления Русской православной церкви и изъятию церковных ценностей // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 191–193.
24. Советская Сибирь (Новониколаевск). – 1922.
25. Суховецкий, В.А. Омская епархия в условиях гражданской войны и «религиозного нэпа» (1918–1928 гг.) (часть 1) / В.А. Суховецкий // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. – 2019. – № 2 (7). – С. 41–50.
26. Фаст, М.В. Нарымская Голгофа. Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период / М.В. Фаст, Н.П. Фаст. – Москва – Томск: Водолей, 2004. – 560 с.
27. ЦДНИ ТО (Центр документации новейшей истории Томской области) Ф. 1. Оп. 1. Д. 87, 438.
28. Цыпин, В. прот. История Русской Церкви. 1917–1997 / В. Цыпин. – М., Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831 с.
29. Ярославский, Ем. По Сибири (Внутреннее обозрение) / Ем. Ярославский // Сибирские огни. – 1922. – № 3. – С. 132–145.

Текст поступил в редакцию 01.11.2022.

Принят к печати 09.01.2023.

Опубликован 29.06.2023.

¹ Последгол (последствия голода) – Центральная комиссия при ВЦИК по борьбе с последствиями голода 1921 года.

References

1. *Akty Svyateyshego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyshiy dokumenty i perepiska o kanonicheskom preymstve vysshey tserkovnoy vlasti*. 1917–1943 gg. [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence on the canonical succession of the highest church authority. 1917–1943]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy Bogoslovskiy Institut, 1994, 1063 p. (In Russian).
2. *Arkhivy Kremlya. Politbyuro i tserkov. 1922–1925 gg.* [Archives of the Kremlin. Politburo and Church. 1922–1925]. Moscow: ROSSPEN; Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1998, pt. 2, 600 p. (In Russian).
3. Artyukhov S. *Tyumenskiye izvestiya* [Tyumen News]. January 15, 2018, no. 3 (6836) (in Russian).
4. Astapenko I.G. *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary]. 2018, no. 2(5), pp.132–146 (in Russian).
5. Bochkaryov V., Shabunin Ye.A. *Sibir Pravoslavnaya* [Orthodox Siberia]. 2008, no. 1 (7), pp. 2–62 (in Russian).
6. Borisova V.V. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series History]. 2009, vol. 34, no. 28 (166), pp. 142–147 (in Russian).
7. *Den v istorii. Prezidentskaya biblioteka* [A day in history. Presidential Library]. Available at: <https://www.prlib.ru/history/1307005> (accessed on May 3, 2022) (in Russian).
8. Dmitriyenko N.M. *Sotsialno politicheskoye razvitiye Sibiri (XIX–XX vv.)* [Social and political development of Siberia (XIX–XX centuries)]. Tomsk, 1993, pp. 71–81 (in Russian).
9. Fast M.V., Fast N.P. *Narymskaya Golgofa. Materialy k istorii tserkovnykh repressiy v Tomskoy oblasti v sovetskiy period* [Narym Golgotha. Materials for the history of church repressions in the Tomsk region in the Soviet period]. Tomsk: Vodoley, 2004, 560 p. (In Russian).
10. Gorbатов A.V., Maltsev M.A. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2021, no. 1, pp. 207–223 (in Russian).

11. *Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya* [State Archive of the Altai Territory]. Fund R-2. Inventory 3. File 37 (in Russian).
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti* [State Archive of the Altai Territory] Fund P-1. Inventory 2. File 157; Inventory 2. File 106; Fund P-10. Inventory 1. File 200 (in Russian).
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti* [State Archive of the Altai Territory] Fund R-173. Inventory 1. File 422; Fund R-236. Inventory 2. File 96 (in Russian).
14. Guzarov V.N. *Repressivnaya politika RKP(b) v otnoshenii tserkovnykh organizatsiy Tomskoy gubernii v 1920–1925 gg.* [The repressive policy of the RCP(b) towards the church organizations of the Tomsk province in 1920–1925.]. Tomsk, 2019, 85 p. (in Russian).
15. Istyukov V.E. *Novosibirskaya yeparkhiya v 1920-e –1960-e gg.: problemy vnutrennego ustroystva i vzaimootnosheniy s ateisticheskim gosudarstvom* [Novosibirsk diocese in the 1920s–1960s: problems of internal structure and relations with an atheistic state: PhD Thesis in Theology]. Moscow, 2019, 260 p. (In Russian).
16. Ivashov L.G., Khmurkin G.G. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2020, no. 2, pp. 35–50 (in Russian).
17. *Izvestiya CC CPSU* [Izvestia of the Central Committee of the CPSU]. 1990, no. 4, pp. 191–193 (in Russian).
18. *Krasnoye znamy (Tomskaya oblastnaya yezhednevnyaya gazeta)* [Red banner (Tomsk regional daily newspaper)]. 1922 (in Russian).
19. *Krasnyy Altay (Organ Gubiskpolkoma i Gubkoma RPK)* [Krasny Altai (The Organ of the Provincial Executive Committee and Provincial Committee of the PKK)]. 1922 (in Russian).
20. Krepitsina Ye. V. *Gosudarstvennaya politika v sfere religii na territorii Kuzbassa v 1920–1929 gg.* [State policy in the sphere of religion on the territory of Kuzbass in 1920–1929: PhD Thesis in History]. Kemerovo, 2006, 197 p. (In Russian).
21. Krivova N.A. *Vlast i tserkov v 1922–1925 gg.: (Politika CC RKP(b) po otnosheniyu k religii i tserkvi i yeye osushchestvleniye organami GPU–OGPU)* [Power and Church in 1922–1925: (Policy of the Central Committee of the RCP(b) in relation to religion and the church and its implementation by the bodies of the GPU–OGPU): PhD Thesis in History]. Moscow, 1998, 419 p. (in Russian).
22. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sichineniy* [Complete collection of works]. Moscow: Polnoye sobraniye sochineniy, 1964, vol. 45, pp. 23–33 (in Russian).
23. Mavlyutova Z.Sh. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology, and ethnography]. 2007, no. 7, pp. 172–176 (in Russian).
24. *Sbornik dokumentov i materialov* [Collection of documents and materials]. Tomsk: Vodoley, 2000, 442 p. (In Russian).
25. *Sovetskaya Sibir (Novonikolayevsk)* [Soviet Siberia (Novonikolaevsk)]. 1922 (in Russian).
26. Sukhovetskiy V.A. *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary]. 2019, no. 2(7), pp. 41–50 (in Russian).
27. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti* [Documentation Center of the Recent History of the Tomsk Region]. Fund 1. Inventory 1. Files 87, 438 (in Russian).
28. Tsy-pin V., prot. *Istoriya Russkoy Tserkvi. 1917–1997* [History of the Russian Church. 1917–1997]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyraya, 1997, 831 p. (in Russian).
29. Yaroslavskiy Yem. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights]. 1922, no. 3, pp. 132–145 (in Russian).

Submitted for publication: November 01, 2022.

Accepted for publication: January 09, 2023.

Published: June 29, 2023.